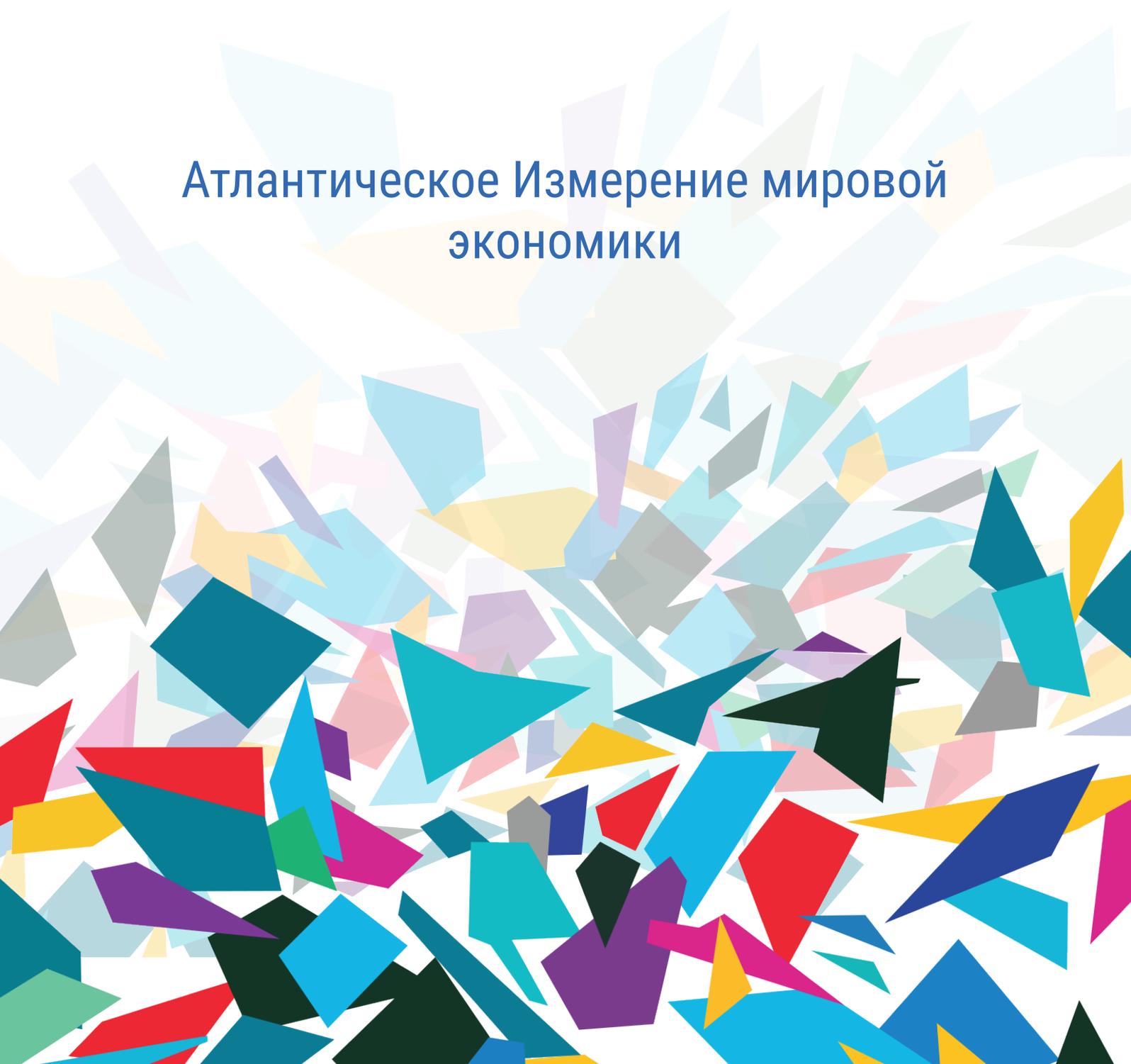

ПАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА II

Атлантическое Измерение мировой экономики

Одним из ключевых последствий европейского присутствия в Америках стало резкое вымирание коренного населения. В то время как Афроевразия вошла в полосу демографического роста, популяция Западного полушария уменьшилась на 98 процентов. Все это поставило колониальные власти перед фактом существенной нехватки рабочей силы – тем более ощутимой, что открытые в Америках возможности для обогащения – начиная от серебряных шахт и заканчивая плантациями табака или сахарного тростника – требовали мощных людских ресурсов.

Ответ, однако, не заставил себя ждать. Не рассчитывая на массовую эмиграцию европейской бедноты, плантаторы, хозяева шахт и прочие колониальные капиталисты нашли в Африке необходимый им источник рабской силы. На протяжении 17-18 веков, количество поставляемых черных рабов неизменно росло, так, что за период с 1500 по 1820 год, общая численность насильно привезенных африканцев в несколько раз превышало число переселившихся в Западное полушарие европейцев.

Европейцы осознали достаточно быстро, что рабов из Африки легче всего получить не войной и набегами, а торговлей. Их союзниками выступала африканская политическая элита, продающая купцам рабов из числа военнопленных и социально незащищенных слоев вместе с золотом, слоновой костью и прочими товарами. Перед историками до сих пор стоит вопрос о связи новой атлантической работорговли с африканским рабовладением, как таковым. Некоторые утверждают, что рабовладение было повсеместным и имело древние корни; тем самым, с прибытием европейцев, ищущих рабов, сместилось лишь направление работорговли с североафриканского и ближневосточного регионов в сторону атлантического побережья. Другие же, апеллируя к отсутствию надежных источников, предполагают, что если рабовладение и существовало, то с приходом европейцев оно вышло на качественно новый уровень. Другими словами, чтобы не остаться в стороне от мировой экономики, африканские властители были вынуждены значительно увеличить масштаб рабовладения и объем торговли. Европейцы подходили к элите с предложениями, от которых она «не могла отказаться».

Что бы то ни было, прибывающие из Африки рабы нашли свое «применение» не столько на перуанских и мексиканских шахтах и рудниках, сколько на плантациях сахарного тростника в Бразилии и на Карибских островах.

Возникший как сельскохозяйственная культура в Юго-Восточной Азии в начале первого тысячелетия до н. э. тростник, доходит до Европы к концу Средневековья. Из Европы, уже благодаря португальцам, в конце 15 века, тростник начинают возделывать на плантации недавно открытого острова Сан Томе. Последний оказывается «лабораторией» для дальнейших операций, связанных с сахарным тростником, в первую очередь в связи с использованием плантаторами рабов из Центральной Африки. В 16 веке из восточной Атлантики тростник перебирается в Бразилию. Тростник – вернее сахар и патока, сделанные из него – сразу же становится самым прибыльным из экспортируемых американских «урожаев», с лихвой покрывая стоимость перевозки африканских рабов через Атлантический океан.

Рабы, сахар и серебро вскоре становятся главными составляющими инициированной португальцами т. н. «треугольной торговли». Отправляясь из Лиссабона в Африку на груженных текстилем и металлическими изделиями кораблях, португальцы обменивали их там на рабов; затем, пересекая Атлантику, они продавали рабов за серебро, сахар, табак, и прочие Американские товары. Все это доставлялось в Европу, где спрос на сахар – учитывая его свойства – только рос. Это питало производство сахарного тростника в Западном полушарии, а сахарный тростник, в свою очередь, стимулировал работорговлю.

Прибыли от «треугольной торговли» привлекают и других европейских игроков; голландцы, основавшие в 1621 году Вест-Индийскую Компанию, англичане, начавшие производство тростника на маленьком острове Барбадос, французы, захватившие в тех же целях карибский остров Мартинику – все стремятся получить свой кусок сахарного пирога, причем чем больше, тем лучше. Карибский бассейн становится ареной упорной борьбы между державами не только за право обладать наиболее доходными плантациями сахарного тростника, но и за привилегии в продаже рабов иностранным плантаторам. В этом более всего преуспели англичане, добившиеся после войны за Испанское наследство от Испанской короны монопольного права на экспорт рабов в американские колонии – так называемого асьенто.

Борьба эта не ограничивается открытыми столкновениями армий и флотов. В периоды передышек между войнами, европейские державы 17-18 веков все чаще прибегают к политике меркантилизма. Последняя исходит из постулата, что сила государства зависит от количества располагаемых им драгоценных металлов – золота и серебра. Металлы же приобретаются либо напрямую – из месторождений – или же посредством продажи продуктов сельского хозяйства и индустрии. Тем самым, национальные экономики, обделенные природными резервами металлов, должны были как можно больше продавать на экспорт, и как можно меньше покупать импортного товара. Протекционистские пошлины закрывают доступ иностранным державам к внутренним рынкам метрополии; колонии же превращаются в производителей дешевого сырья и в рынки сбыта продукции из метрополии. В результате, наиболее ценными в рамках меркантилистской системы являются колонии с богатой сырьевой базой, слабой мануфактурной промышленностью и быстрыми темпами роста населения – то есть колонии, схожие с выделенными под сахарный тростник карибскими островами.

В Западном полушарии спрос на рабов остается неизменно высоким. Причина этого кроется не только в динамике колониальных сырьевых экономик. В связи с тем, что большая часть завозимых из Африки рабов являются мужчинами, естественный прирост остается слабым; кроме того, в тропических условиях очень высока смертность. Постоянный экспорт, тем самым, должен компенсировать негативное сальдо рождаемости и смертности. Долгое время, поэтому, большая часть рабов, являются рабами «первого поколения», родившимся на Африканском континенте и обреченными, по всей вероятности, умереть на плантациях не оставив потомства.

Обратимся теперь к самой работорговле и ее «внутреннему механизму». Территория южнее Сахары издавна была источником рабов, отправляемых до появления европейцев сухопутными путями в сторону Ближнего Востока и Северной Африки. Теперь же рабам предстояло совершить трек до Атлантического побережья, а затем пережить т. н. трансатлантический «middle passage» – «средний путь». Именно таким образом, более двух миллионов африканцев были транспортированы в качестве рабов из Африки в Америку.

Эти цифры не дают возможности оценить все трагическое измерение работорговли. До Американского берега не доживал каждый четвертый; часть умирала еще по пути до порта отправки, часть не выдерживала бесчеловечных условий на кораблях. Рабы умирали от болезней, от отсутствия пищи и воздуха. Тех же, кто пытался протестовать, работорговцы часто выбрасывали за борт.

Жизнь на плантациях означала тяжелый труд и раннюю смерть. Во время сборки урожая от рабов требовали выполнение дневной нормы выработки – в противном случае, их ожидали суровые наказания. Процесс переработки тростника в патоку был сопряжен с опасностью получения серьезных телесных увечий.

Рабы, безусловно, сопротивлялись; их неповиновение могло выразиться в форме саботажа, бегства, или же, правда в крайних случаях, открытого восстания. Зачастую, беглые рабы создавали скрытые от глаз колониальной администрации общины – так называемые «киломбу» или «мокамбу» по-португальски. Наиболее известной из таких общин было созданное беглыми рабами «киломбу Пальмарис» на северо-восточном побережье Бразилии. Своеобразное государство в государстве с десятками тысяч жителей, Пальмарис управлялся собственным королем, имел собственную армию и оборонительные фортификации. В течении 70-х и 80-х годов бывшим рабам пришлось вести оборонительную войну с португальцами, организовавшими против Пальмариса несколько десятков экспедиций. В конечном итоге, вооруженной артиллерией португальской армии удалось взять в 1694 году столицу Пальмариса – поселение Макаку. Последние очаги сопротивления были подавлены лишь три года спустя.

А как торговля рабами отразилась на самой Африке, ее демографии, экономике и политическом ландшафте? В первую очередь, единственный из трех континентов Афроевразийского конгломерата, Африка не испытала роста населения в рассматриваемый период; наоборот, численность населения снизилась. Рабство, лишив безусловно одна из причин: во-первых, работорговля лишила континент миллионов здоровых мужчин, а во-вторых, оно спровоцировало разрушительные войны во внутренних областях континента за контроль над источниками рабов и торговыми путями.

В определенном смысле, подключив Африку к глобальному экономическому буму, торговля рабами привела к росту. Однако плодами этого роста пользовалась в основном родовая знать и торговая элита. Рабы стали принципиальной частью их бизнеса, источникам обогащения; регионы, снабжающие рабов, испытали депопуляцию и серьезную экономическую рецессию.

Работоторговля стала причиной дестабилизации политической обстановки. Старые политические формации начинают исчезать, а новые появляться. Конго, к примеру, значительно ослабло в следствие войн с обосновавшимися в Анголе португальцами. Расположенное южнее Королевство Нгонго во главе с королевой Нзингой усилилось, присоединив к себе территорию государства Матамба. Благодаря сопротивлению, оказанному армией Нзинги, португальцам не удалось продвинуться в глубь континента.

В Западной Африке, в долине Нигера, появляются и растут государства, чья экономическая жизнь была органически связана с рабами. Таковы королевства Ойо и Дагомей. Расположенное в саванне на западном берегу реки Нигер и населенное народом Йоруба, государство Ойо создало сильную кавалерийскую армию, при помощи которой она стремилась установить контроль над торговыми путями. В процессе экспансии, Ойо столкнулось с расположенной на территории современного Бенина Дагомеей. Благодаря полученным от работоторговли доходам, Дагомее удалось вооружить свою армию огнестрельным оружием. Войны между Дагомеей и Ойо продолжались до середины 18 века и закончились превращением Дагомей в вассала Ойо.

Из разрозненных небольших политических формаций на территории современной Ганы, в конце 17 века возникло государство Ашанти. Ее правителям из династии Туту пришлось вести войны за преобладание на Гвинейском Заливе – важной точкой в мировом товарообмене. Будучи федерацией при основании, Ашанти в 18 веке постепенно превратилось в централизованную монархию со своей бюрократией из служилой знати.

Оглядываясь назад на процесс преобразования глобальной экономики, что можно сказать о ее эффектах в целом?

Наиболее трагичным образом новая система сказалась на судьбах коренных жителей Западного полушария. Последние оказались на грани вымирания; те, что выжили, существовали в практически бесправном положении под управлением далекой и чуждой им власти.

Африка, оказавшись вовлеченной в мировую торговлю, заплатила за это вызванной депопуляцией и концентрацией полученного богатства в руках немногих.

Европа, будучи в центре этой торговли, быстро обогатилась, и так же быстро растратила часть накопленного капитала в войнах за господство на континенте и в колониях.

Азия же, как основной производитель товаров, пожалуй больше приобрела от новой экономической системы, нежели потеряла. Полученное от продажи мануфактуры – серебро пошло на строительство армий и усиления централизованных бюрократий. Они продолжают диктовать условия европейским купцам в регионе и сдерживают западных игроков от попыток создания обширных колониальных империй.